

УДК 94(47) 17/18

ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-62-74

**З.В. ДМИТРИЕВА,
С.А. КОЗЛОВ***

История российского налогообложения в XVI–XVIII веках в контексте проблемы «налоги—войны»

Изучены и определены степень влияния геополитических факторов на изменение налоговых форм и фискальных приоритетов Российского государства, эволюция видов налогов и объектов обложения, роль общины в формировании системы. Показаны изменение тяжести налогового бремени в годы русско-польской войны 1654–1667 гг., пополнение армии даточными людьми из крестьян и участие монастырских слуг в военных действиях; налоговые и финансовые аспекты русско-турецких войн и присоединения Крымского ханства к Российской империи (1783 г.). Раскрыты общее и особенное в системе налогообложения, номенклатуре платежей и повинностей, доли военных расходов в общегосударственном бюджете России и европейских стран. Рассмотрена налоговая система России в контексте концепции военно-фискального государства раннего Нового времени.

Ключевые слова: налоги, налоговая документация, геополитические приоритеты, военные расходы, военно-фискальное государство

Военные ориентиры налоговой политики Российского государства XVI–XVII вв.

Налоговая система Российского государства складывается в середине XVI в., что было связано с Уложением о службе 1555–1556 гг., согласно которому со ста четвертей «добрые угожей земли» должен был быть выставлен конный воин

в полном вооружении. Служба строго регламентировалась, и утверждался принцип несения воинской повинности в соответствии с размерами землевладения. Нововведения в армии потребовали унификации системы налогообложения в стране и введения нормированной единицы взимания налогов — большой московской сохи, которая включа-

* **Дмитриева Зоя Васильевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель проекта «Налоги и войны в истории России XVI–XVIII вв.» (16-01-00066а).

E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Козлов Сергей Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, исполнитель того же проекта.

E-mail: sakozl@rambler.ru

ла определённое количество пашенных земель в зависимости от её качества и социальной принадлежности землевладельца — от 500 до 1200 четвертей (четверть = 0,5 десятины). Причём наиболее льготное обложение было на землях ратных людей. Число сох в уездах (волостях, погостах, сёлах) фиксировали государевы писцы в налоговых кадастрах — писцовых и дозорных книгах. Номенклатура налогов и повинностей тяглого населения также устанавливалась в соответствии с потребностями вооружённых сил: пищальные деньги, ямчужные деньги, полоняничные деньги, городское дело, посошная служба и др.

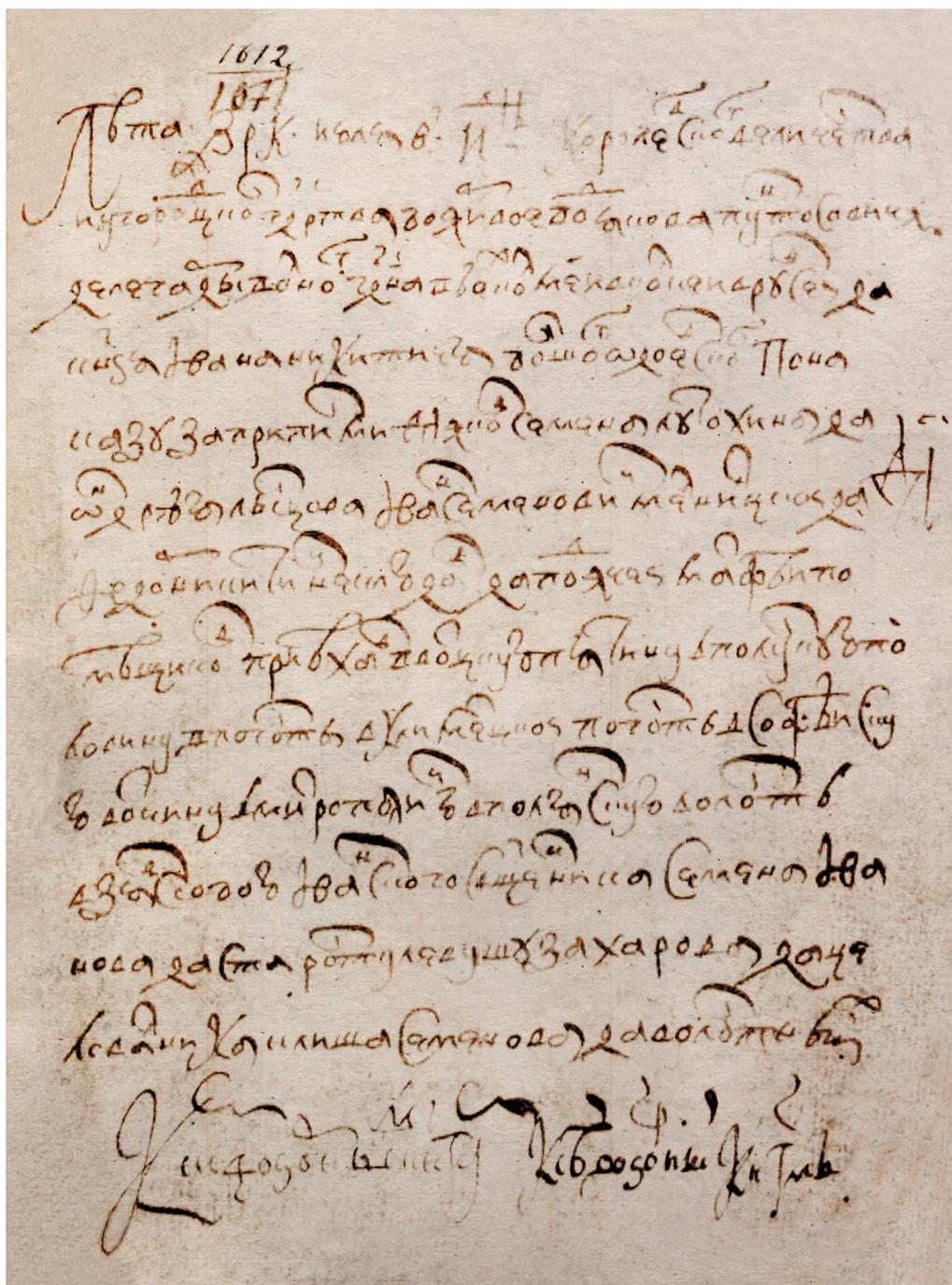
Затяжная Ливонская война (1558–1583) продемонстрировала неспособность государства изменить налоговые формы и фискальные приоритеты с учётом посильности налогового бремени для податного населения. Прежде всего это проявилось в консервативности сошного письма, которое своевременно не учитывало сокращение численности населения и запустение ранее обрабатываемых земель (исключение пустого из тягла было проведено после 1572 г.).

Постоянную нехватку денежных средств власти восполняли за счёт экстраординарных сборов и учреждения опричных (1565 г.) — репрессивной, фискальной структуры в чрезвычайных условиях военного времени. Результатом стал кризис, выразившийся в демографическом спаде и значительном сокращении площадей пашенных земель. Однако распространение кризиса было неравномерным. На территории Поморья кризисные явления не привели к деградации и разрушению традиционного жизненного уклада. Важнейшей проблемой для русского населения в условиях кризиса стала проблема выживания: сокращение размеров тяглой пашни, распашка пустоши безоборочно, миграция населения, кредитование крестьян монастырями в неурожайные годы.

В конце XX – начале XXI в. появились работы (Ч. Даннинг, С.А. Нефёдов), рассматривающие возникновение кризиса в России во второй половине XVI в., его развитие и последствия в контексте структурно-демографической теории американского историка Дж.Голдстоуна. Теория развивает идеи Т.С.Мальтуса и Д.Рикардо

Ил. 1. Вид селения Крестцы Деревской пятины. Альбом А. Мейерберга.
Виды и бытовые картины России XVII в.

Ил. 2. Лист из рукописи «Дозорные книги Водской пятины, Полужской половины 1612 г.». Государственный архив Швеции (Riksarkivet). NOA. Serie 1:16. Л. 1. Подлинник

о демографических циклах и получила название неомальтузианства. Предложенная Дж.Голдстоуном схема была выведена посредством анализа кризисов XVI–XVIII вв. в Англии, Франции, Османской империи и Китае. С.А.Нефёдов попытался применить демографически-структурную теорию к российским реалиям XVI в. и использовал статистические данные

писцовых книг Новгородских пятин для обоснования роста населения в России XVI в. При этом он не указывает на низкую плотность населения в первой половине столетия и очаговый характер запустения, вероятно, вызванный эпидемией [1, 2; 3, с. 70–71; 4, с. 39–98].

По подсчётам авторов «Аграрной истории Северо-Запада России XVI века...»,

в целом (по 20 погостам Деревской пятины) за 1500–1543 гг. число жилых поселений сократилось на 2,1%, а дворов — на 10,2% (ил. 1). Для сравнения, в 20 погостах Новгородского уезда Шелонской пятины число поселений с конца XV в. до середины XVI в. выросло с 682 до 700 (2,6%), а дворов — с 1912 до 2381 (19,7%). При этом темпы роста населения в отдельных погостах были различными [5, с. 32, 113–115].

С.А.Нефёдов, обосновывая свою концепцию, приводит также данные А.И.Копанева о численности населения России в середине XVI в. — 9–10 млн человек. Но при этом он не учитывает ряд важных обстоятельств: условность расчётов А.И.Копанева, увеличение государственной территории с 1462 по 1533 г. более чем в 6 раз и её малонаселённость [6, с. 235–236, 245]. Демографический рост в условиях относительной стабильности во многом был обусловлен колонизационными процессами на Севере, Северо-Западе и в Центре России. С.А.Нефёдовым не учтена и особенность системы расселения на Северо-Западе, в Белозерье, и части Поморья в первой половине XVI в., где преобладал хуторской тип, что является важнейшим фактором при характеристике аграрного и демографического развития регионов России. По нашему убеждению, неомальгузианская теория не применима к российским реалиям, и «перенаселение» в России во второй половине XVI в. не стало причиной кризиса.

В рамках проекта была рассмотрена система фискального принуждения населения Новгородской земли в период шведской оккупации (1611–1617). Оккупационная администрация собирала необходимые налоги для содержания шведской армии на основе московской системы налогообложения. С целью выявления реальной возможности несения государева тягла осуществлялись дозоры, в проведении которых активно участвовала мирская община (ил. 2). В связи с мас-

совым разорением населения по инициативе мира происходили сокращение крестьянских наделов и общей площади тяглой земли, а также равное распределение тягла в деревне.

Оккупационные власти начали разрушать поземельно-посошную систему обложения и «класть на обжу» не 10 четвертей земли, а 20 и более крестьянских дворов. В годы шведской оккупации на Новгородских землях помимо прямых налогов (существовавших с XVI в.) значительную долю составляли экстраординарные сборы. Помимо денег «на корм немецким людям» собирали рожь, овёс, мясо, рыбу, хмель, соль, уксус, а также сено для лошадей. Более половины денежных средств на содержание шведского войска выделялось за счёт питейных сборов [7, с. 46; 8, с. 32].

После восстановления государственного и территориального единства страны встал вопрос о создании эффективной налоговой системы. В 1620-е – 1630-е гг. российские власти объективные потребности государства и геополитические приоритеты соотносили с налогово-финансовыми возможностями и придерживались принципа посильности при обложении податного населения. С целью облегчения налогового пресса на поместных и вотчинных землях при сохранении большой московской сохи была введена новая единица обложения — дворовая («живущая») четверть, включавшая определённое соотношение крестьянских и бобыльских дворов. Нововведение привело к резкому сокращению размеров сошного обложения, что позволило заметно оживить экономическую жизнь в стране и осуществить восстановление хозяйства, прежде всего на разорённых Смутой пограничных территориях. При этом номенклатура налогов и сборов (как и в XVI в.) во многом определялась потребностями вооружённых сил.

Важнейшей геополитической задачей российской власти в 50-е гг. XVII в. стал «украинский вопрос», что делало неиз-

бежным военный конфликт с Речью Посполитой и потребовало кардинальных перемен в армии. Военная реформа прошла в своём развитии два основных этапа: 1653–1654 гг. и осень 1656 – весна 1658 г. В результате её осуществления ядро вооружённых сил страны составили полки нового строя [9, с. 52].

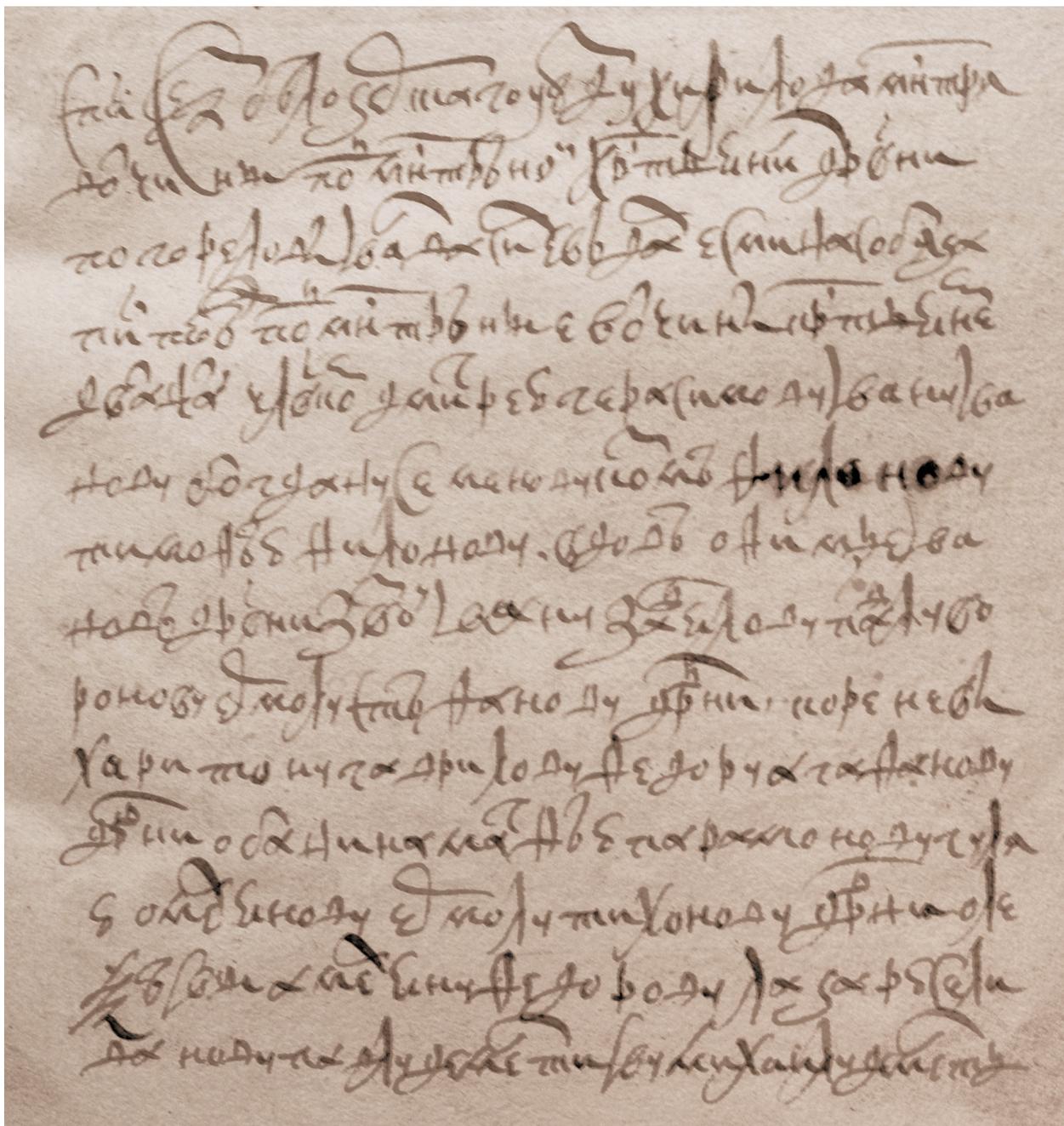
В условиях затяжной и изнурительной войны (1654–1667) содержание вооружённых сил представляло серьёзную налогово-финансовую проблему, и правительство решилось на проведение денежной реформы, основным этапом которой стала чеканка (с 1655 г.) медных копеек по весу и образцу серебряных. Значительные денежные потоки направлялись и в недавно присоединённые районы Левобережной Украины, где добиться лояльности и поддержки со стороны «переменчивого» Запорожского казачьего войска можно было лишь благодаря щедрым денежным и иным пожалованиям.

Полки нового строя оказались неподъёмными для государства и налогоплательщиков, когда эти деньги обесценились. Происходил также рост цен на продукты, особенно значительный – на хлеб. Обесценение медных денег в начале 1660-х гг. привело к увеличению в абсолютных цифрах кабацких и таможенных сборов. Однако большая часть денег была собрана в медной монете, стремительно терявшей стоимость. 15 июня 1663 г. вышел царский указ, предписывавший изъять из денежного обращения медную монету.

В налоговой политике государство делает акцент на уже испытанный и проверенный временем ресурс – сбор прямых налогов. Для определения тяжести налогового бремени и его изменения на протяжении десятилетий важны следующие показатели: норма налоговых платежей с единицы обложения и размер налога с тяглого двора. Значимость последнего показателя особенно возрастает в связи с тем, что налоги собирались с разных объектов обложения (с сохи, «живущей четверти», двора). Рассчитать эти пока-

затели позволяют документальные материалы Кирилло-Белозерского монастыря. Стрелецкий хлеб до 1663 г. включительно собирали с «живущей четверти», норма платежей составляла в среднем на двор около 0,5 четверика ржи и овса. В 1664 г. стрелецкий хлеб стали собирать не с сохи, а с крестьянских и бобыльских дворов, норма сбора со двора составила четверик ржи и четверик сухарей, что свидетельствует об увеличении налоговой нагрузки в четыре раза. Норма полоняничных сборов («пленным на окуп») составила 8 денег со двора, причём собирали не только с крестьян и бобылей, но и с попов, дьяконов и монастырских слуг. Ямские деньги взимали с «живущей четверти», и с 1648 по 1665 г. норма оставалась неизменной: в среднем 13,1 деньги со двора. В 1660-е гг. меняется система взимания денег на содержание армии: объектом обложения становится не «живущая четверть», а крестьянские и бобыльские дворы. Если в 1654 г. с двора взимали 13,7 деньги, то в 1665 г. – уже 210,6 деньги. Как видим, без учёта курса серебряных денег увеличение составило 15,4 раза [10, с. 9–14].

Кирилловские крестьяне также участвовали в комплектовании даточных людей: с 20 дворов нанимали одного даточного и давали ему «на государеву службу» 34 рубля и «хлебный запас». Сохранилась книга копий поручных записей крестьян Белозерского уезда на посылку даточных людей в декабре 1660 г. [11]. Оформление документа и подробная роспись двусторонних обязательств свидетельствуют об ответственности мирской общины за лицо, нанятое в даточные (ил. 3). Обязанности по обеспечению армии лежали и на старцах Кирилло-Белозерского монастыря. Так, в январе 1659 г. на государеву службу под Конотопом по решению собора из монастыря послали 39 слуг [10, с. 15]. Война, истощавшая людские и финансовые ресурсы, разрушала принцип посильности при обложении российского населения на нужды армии.

Ил. 3. Лист из рукописи «Книга копий поручных записей на даточных людех из белозерских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. Декабрь 1660 г.». ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 80/1319. Л. 3. Список XVII в.

Итогом войны России с Речью Посполитой (1654–1667) стали не только «возвращение наследия Киевской Руси», но и реорганизация вооружённых сил, которая требовала кардинальных изменений в фискальной сфере. В 1679 г. российские власти осуществили налоговую реформу, завершившую переход от посошного к подворному обложению. Отныне в тягло на-

равне с крестьянскими и посадскими были включены бобьльские, холопы и прочие дворы. Отменялись также многочисленные налоги и сборы, и вводился единый прямой налог – стрелецкие деньги. Но недобор стрелецких денег нарастал повсеместно и принял хронический характер. Нехватка денежных средств на армию ограничивала возможности российских

Ил. 4. Мирской сход в присутствии помещика и священника. Гравюра. Деревенское зеркало или общенародная книга. СПб., 1798. Ч. 1

властей в осуществлении таких назревших геополитических проектов, как выход к Балтийскому морю и ликвидация «крымской опасности».

Фискальное обеспечение геополитических проектов российской власти в XVIII в.

Восемнадцатый век стал для России периодом превращения в мировую империю со свойственной атрибутикой, геополитическими притязаниями, изменениями в системе налогообложения и фискальной политике государства. Продолжительные войны и формирование регулярных вооружённых сил требовали колоссальных финансовых средств и людских ресурсов. На перманентное «добывание» денежных средств для ведения Великой Северной войны была нацелена вся налогово-финансовая политика Петра I. При этом многочисленные налоги и сборы, которые российские власти вводили на содержание армии, обеспе-

чение её вооружением, продовольствием, обмундированием в годы Великой Северной войны, повсеместно не были унифицированы, а система фискальных сборов – упорядочена. Об этом наглядно свидетельствует копия книга записей денежных и доимочных сборов с монастырских крестьян Белозерского и Пошехонского уездов 1704–1707 гг. с приложением отписей и указов об уплате налогов в приказы.

К примеру, в Военный приказ с белозерских вотчин Ферапонтова и Кириллова монастырей взимали 50 денег с двора, с пошехонских вотчин Кириллова монастыря – 1 рубль 11 алтын 4,4 деньги с двора, а Троице-Сергиева монастыря (64 двора) – 1 рубль с двора [12, л. 2–7]. «Мобилизационная» фискальная система с тремя-четырьмя десятками налогов и сборов не могла функционировать достаточно эффективно без установления для большинства налогоплательщиков единой окладной единицы, что и бы-

ло осуществлено с введением подушной подати, и этим в основном завершился процесс унификации обложения, начавшийся во второй половине XVI в. Сбор нового налога, как и прежде, возлагался на крестьянскую и посадскую общины, землевладельцев и местную администрацию (ил. 4).

Наращивание военного потенциала вооружённых сил и как следствие значительное увеличение денежных затрат за счёт привлечения всех налогово-финансовых ресурсов, а также использование европейского (и прежде всего шведского) опыта в создании регулярной армии и флота, реформировании государственного управления и фискальных институтов позволили Петру I одержать победу в долгой и изнурительной Великой Северной войне. Геополитическая задача оказалась выполнена: Российская империя расширила и укрепила свои границы, получив выход к Балтийскому морю; страна стала великой державой в военном отношении.

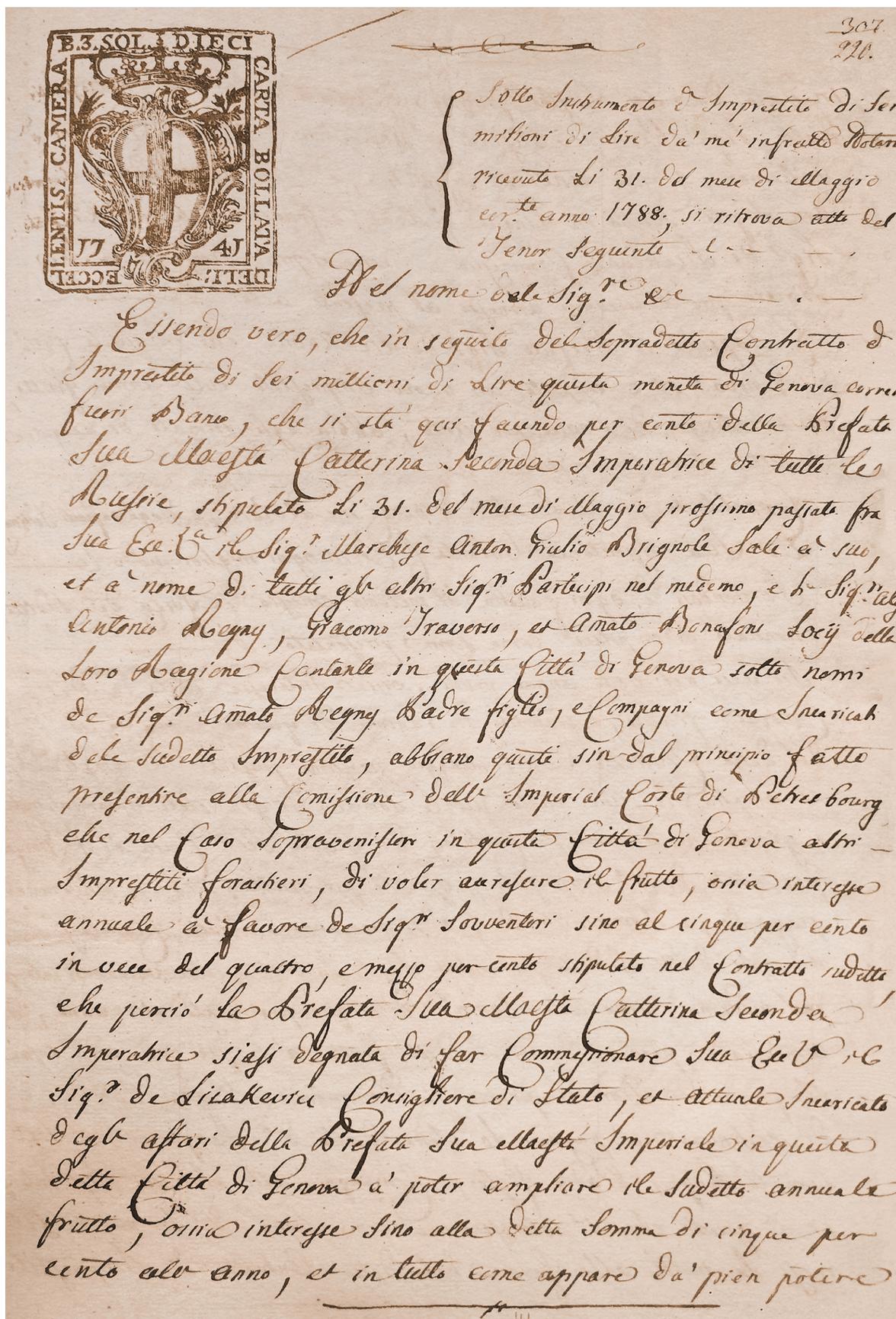
Заметное влияние на складывание фискальных приоритетов страны оказывал «крымский вопрос», который на протяжении более чем двух столетий был важнейшей геополитической проблемой Российского государства. В решающую фазу борьба за контроль над Северным Причерноморьем вступила в 80-е гг. XVIII в. 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу», что стало катализатором для обострения русско-турецких отношений. 13 августа 1787 г. Турция объявила войну, и российские власти вынуждены были вновь прибегнуть к фискальной политике военного времени [13, с. 242–244] (ил. 5).

Расходы на армию и флот росли беспрерывно. По подсчётам, которые мы провели на основе опубликованных А.Н.Куломзинным финансовых документов о доходах и расходах государственных учреждений 1787–1793 гг., дефицит бюджета

в военные годы составил: в 1787 г. — 27,8%, в 1788 г. — 48, в 1789 г. — 52,6, в 1790 г. — 65,4, в 1791 г. — 63%, а в послевоенном 1793 г. снизился до 27,3% [14, с. XXXI–XXXII]. В целом налогово-финансовые меры, предпринятые Екатериной II, позволили найти необходимые денежные средства для ведения войны с Турцией. 29 декабря 1791 г. был подписан Ясский мир, по которому Османская Турция признала присоединение Крымского полуострова к России.

Военно-фискальные государства раннего Нового времени: историография вопроса и компаративное изучение

Изучение механизма функционирования бинарной системы «налоги—войны» в истории России XVI–XVIII вв. является весьма продуктивным в контексте концепции военно-фискального государства раннего Нового времени. Впервые она была выдвинута в 1975 г. американским социологом Ч.Тилли, считавшим, что «война создала государство» [15, с. 42–43]. В изданном в 1990 г. исследовании Ч.Тилли применил военно-фискальный подход к тысячелетней истории Европы [16]. В 1998 г. американский историк Ч. Даннинг в статье, посвящённой первой гражданской войне в России начала XVII в., впервые употребил понятие «военно-фискальное государство», характеризуя политические, социальные и налогово-финансовые институты Российского государства раннего Нового времени. При этом учёный убеждён, что Московское государство в XVI в. было одним из первых военно-фискальных государств, и определял его как несколько упрощённую, но весьма эффективную государственную модель [17, с. 194]. По мнению венгерского исследователя Э.Шашальми, отправными точками формирования военно-фискального государства в России стали Тридцатилетняя война и русско-польская война 1654–1667 гг. [18]. Дж.Крэкрафт и Дж.Хартли начало военно-фискального государства связыва-

Ил. 5. Лист из рукописи «Контракт с генуэзскими банкирами о заключении займа. 31 мая 1788 г.». ОР РНБ. Ф. 484 (Собрание материалов по истории финансов в России). Д. 172. Л. 41. Подлинник

ли с созданием Петром I мощной военной и бюрократической системы и рассматривали Россию восемнадцатого века как перманентно воюющее государство [19, 20]. Результаты проведенного нами исследования показали, что российское военно-фискальное государство, формирование которого началось в середине XVI в., достигло своего апогея в XVIII в.

Типологическое сходство военно-фискальных государств Европы и России обнаруживается в налоговом-финансовом механизмах: изменение номенклатуры налогов в чрезвычайных условиях военного времени, устойчивый рост косвенных сборов в соотношении с прямыми налогами, активное использование внутренних и внешних кредитов, а также постоянное увеличение доли военных расходов в общегосударственном бюджете.

При этом были и отличия, которые выявляются при диахронном стадийном сравнении России и европейских государств. Ряд факторов, характерных для военно-фискального государства, проявились в России позже, чем в Западной Европе. Так, рост государственного аппарата в России, в том числе для обеспечения сбора доходов в казну, значитель-

но отставал от уровня бюрократизации в Европе [21, с. 12]. Вотиrowание чрезвычайных сборов на Земских соборах началось в России в 1610-е гг., тогда как дебаты об утверждении новых налогов и чрезвычайных сборов в английском парламенте, кортесах в Кастилии и Генеральных штатах во Франции проходили в XV–XVI вв. Российские власти впервые прибегли к иностранным займам для покрытия расходов на армию в 1769 г., в то время как военные кампании французских, английских и испанских королевских дворов начиная с XIV–XV вв. кредитовали банкирские дома Генуи, Венеции, Флоренции, Антверпена, Амстердама. К восемнадцатому столетию основной акцент в европейских странах был перенесён на внутренние государственные займы.

Проведённое нами исследование степени влияния внешнеполитических факторов на налоговую политику государства и соблюдение принципа посильности при обложении податного населения на нужды армии может быть использовано при выработке современной концепции социально-экономического развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.
2. Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 25. № 1–2. 1998. P. 119–131.
3. Нефёдов С.А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века // Отечественная история. 2003. № 5. С. 63–72.
4. Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2005.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л.: Наука, 1974.
6. Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. 1959. С. 233–254.
7. Дмитриева З.В. Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 г.: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М.; Самара, 2015. С. 38–46.

8. Козлов С.А. Винные и пивные книги Великого Новгорода 1611–1617 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Четвёртой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.) / Ред.-сост. А.И. Раздорский. Нижний Новгород, 2018. С. 28–34.
9. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М.: Древлехранилище, 2006.
10. Дмитриева З.В., Козлов С.А. Взимание налогов с монастырских вотчин в годы русско-польской войны (1654–1667) // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 7–31.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Кирилло-Белозерское собрание. № 80/1319. 501 л.
12. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 101.
13. Козлов С.А. Налогово-финансовый аспект присоединения Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. // Меншиковские чтения–2017: Научный альманах. Вып. 8 (18). СПб.: Изд-во «XVIII век», 2017. С. 226–247.
14. Куломзин А.Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. Т.1. // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1880. Т. 28.
15. Tilly Ch. Reflection on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 3–83.
16. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990 (Studies in Social Discontinuity). Basil Blackwell, Cambridge, 1990.
17. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the First Fiscal-Military States? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191–197.
18. Sashalmi E. Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline) // Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе [State and Nation in Russia and Central East Europe]: Материалы международной научной конференции будапештского Центра русистики от 19–20 мая 2008 г. / Под ред. Д. Свака. Будапешт: Russica Pannonica, 2009. С. 132–144.
19. Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004.
20. Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State, 1689–1825 // The Fiscal-Military State in Eighteenth Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson/ Ed. C. Storrs. Ashgate, 2009. P. 125–146.
21. Кром М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и Новейшая история. 2018. № 4. С. 3–15.

ENGLISH

History of Russian Taxation in the 16th – 18th Centuries in the Context of “Taxes and Wars”

Zoya Vasilyevna Dmitrieva – Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, Department of Ancient History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Taxes and Wars in the History of Russia of the 16th – 18th Centuries” (16-01-00066a).
E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Sergey Aleksandrovich Kozlov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Higher School of Technology and Energy of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, researcher in the same project.
E-mail: sakozl@rambler.ru

The research studies and identifies the influence of geopolitical factors on the changes in tax forms and fiscal priorities of Russia, the evolution of tax types and taxable items, and the role of the community in the system formation. It shows the changes in the severity of the tax burden during the Russo-Polish War of 1654–1667, army replacements with adequate conscripts from peasants, the participation of monastery servants in military missions, tax and financial aspects of the Russo-Turkish wars and the annexation of the Crimean Khanate to the Russian Empire (1783). The authors identify the general and special features of the taxation system, itemized payments and duties, the share of military spending in the national budget of Russia and European countries. The paper explores the taxation system of Russia through the lens of the military-fiscal state concept of the early modern period.

Keywords: taxes, tax documentation, geopolitical priorities, military spending, military-fiscal state

REFERENCES

1. Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991.
2. Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // *Russian History*. 25. № 1–2. 1998. P. 119–131.
3. Nefyodov S.A. O vozmozhnosti primeneniya strukturno-demograficheskoy teorii pri izuchenii istorii Rossii XVI veka // *Otechestvennaya istoriya*. 2003. № 5. С. 63–72 (in Russian).
4. Nefyodov S.A. *Demograficheski-strukturnyy analiz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Konets XV – nachalo XX veka*. Ekaterinburg: Izd-vo UGGU, 2005 (in Russian).
5. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pyatiny* / Otv. red. A.L. Shapiro. L.: Nauka, 1974 (in Russian).
6. Kopanev A.I. Naselenie Russkogo gosudarstva v XVI v. // *Istoricheskie zapiski*. T. 64. 1959. S. 233–254 (in Russian).
7. Dmitrieva Z.V. Nalogi i povinnosti krest'yan novgorodskikh pyatin v «smutnoe vremya» (1611–1617) // *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 2014 g.: Fiskal'naya politika i nalogovo-povinnostnye praktiki v agrarnoy istorii Rossii X–XXI vv. / Otv. red. E.N. Shveykovskaya. M.; Samara, 2015. S. 38–46 (in Russian).
8. Kozlov S.A. Vinnye i pivnye knigi Velikogo Novgoroda 1611–1617 gg. // *Torgovlya, kupchestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sbornik materialov Chetvyortoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Nizhniy Novgorod, 28–30 sentyabrya 2017 g.)* / Red.-sost. A.I. Razdorskiy. Nizhniy Novgorod, 2018. С. 28–34 (in Russian).
9. Malov A.V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii. 1656–1671*. M.: Drevlekhranilishche, 2006 (in Russian).
10. Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Vzimanie nalogov s monastyrskikh votchin v gody russko-pol'skoy voyny (1654–1667) // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2017. № 4. S. 7–31 (in Russian).
11. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. Kirillo-Belozerskoe sobranie. № 80/1319. 501 l (in Russian).
12. RGADA. F. 1441. Op. 2. D. 101 (in Russian).
13. Kozlov S.A. Nalogovo-finansovyy aspekt prisoedineniya Krymskogo khanstva k Rossiyskoy imperii v 1783 g. // *Menshikovskie chteniya–2017: Nauchnyy al'manakh*. Vyp. 8 (18). SPb.: Izd-vo «XVIII vek», 2017. S. 226–247 (in Russian).

14. Kulomzin A.N. Finansovye dokumenty tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II. T.1. // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. SPb., 1880. T. 28 (in Russian).
15. Tilly Ch. Reflection on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 3–83.
16. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990 (Studies in Social Discontinuity). Basil Blackwell, Cambridge, 1990.
17. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the First Fiscal-Military States? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191–197.
18. Sashalmi E. Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline) // Gosudarstvo i natsiya v Rossii i Tsentral'no-vostochnoy Evrope [State and Nation in Russia and Central East Europe]: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii budapeshtskogo Tsentra rusistiki ot 19–20 maya 2008 g. / Pod red. D. Svaka. Budapesht: Russica Pannonica, 2009. S. 132–144 (in Russian).
19. Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004.
20. Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State, 1689–1825 // The Fiscal-Military State in Eighteenth Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson/ Ed. C. Storrs. Ashgate, 2009. P. 125–146.
21. Krom M.M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheevropeyskaya model' i regional'nye razlichiya // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2018. № 4. S. 3–15 (in Russian).